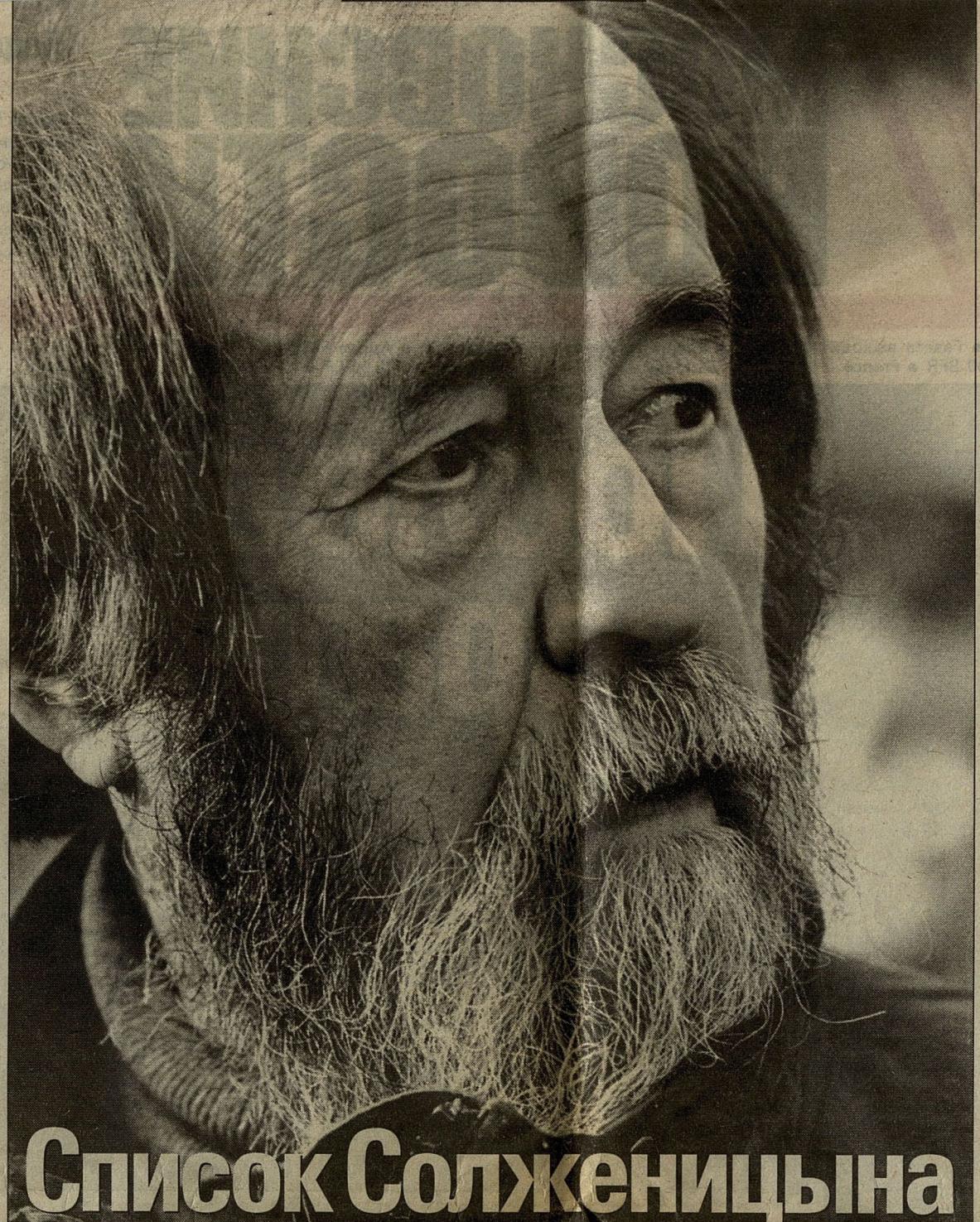

11 декабря
Александру
Солженицыну
исполняется
80 лет.
Пожив на свете
восемь
десятилетий,
писатель
совершил
колossalный
труд — осмыслил
и оценил
современность.
Наше дело —
осмыслить
и оценить
Солженицына

ВИКТОР АХЛОМОВ

прихватизацию с «диковатым словом «ваучер», откуда и пошла вся «разровка», «разграб». Меры и впрямь страшненькие, приведшие к панике, к обнищанию, ко многим самоубийствам, — хотя по теории все было грамотно и никак не преступно, просто нужно было знать, в какую почву лягут семена реформ. Открытые цены могут быть прочтены иначе — несмотря на них (или — благодаря), понемногу заполнились пустые прилавки, а монополия даже способствует конкуренции. Когда Готлиб Даймлер изобрел автомобиль, а Карл Бенц его построил и выпустил в серию, они были монополистами, но их взвинченные цены не помешали Форду — а скорее, подтолкнули — начать сборку первого «фордика». Он выступил конкурентом — и задвинут отнюдь не был. Английское слово «voucher» означает расписку, ручательство, но метко замечает Солженицын и ловит за руку приватизаторов: в ваучерах была оценена лишь доля процента всероссийского добра, а кому и как продали остальное? И еще один вопрос, который только от него мы и услышали, — он это говорит о земле, но приложим и к заводам, к рудникам и скважинам: откуда они у государства? кому принадлежали? не всем ли работникам? «Так прежде гомона о продаже поискали бы пути, как вернуть...»

Гай-чубайсовские реформы вряд ли были просто нелепостью, они имели целью создать класс богатых (а не средний, о котором вешалось), которые дело свободного рынка уже обеспечат своими стараниями — и процесс пойдет. (Эту же цель в Германии имела партия Гельмута Коля, которого непонятливые избиратели недавно прокатили с ветерком.) Богатым так понравится быть богатыми, что они и всех других захотят подтянуть до своего уровня. Не переставая быть эгоистами, они выполнят задачу альтруистическую. Вот это и есть простота, которая хуже воровства. Богатые, как известно, тожеплачут, но по другим поводам, не нашим с вами. Богатым им нравится быть, но особая прелест для них, что все вокруг много беднее. О том, как пошел процесс, знают истину банки — Швейцарии и княжества Лихтенштейн. Свои проблемы «new Russians» решили успешно, осталась одна — надолго ли хватит нашей нефти и газа, алмазов и золота. Впрочем, отчего бы им и не делать башни из воздуха — уже буквально. Когда планета станет задыхаться от выхлопа, они сибирский воздух погонят по трубе на Запад, а соотечественники будут так же дожидаться причитающейся им по Конституции глотка дыхания, как сегодня — зарплаты.

Мало кто хотел строить новую Россию, больше — свое благополучие. Этим, как ни крути, пролетарская революция выгодно отличалась. Можно ее представить самодеятельностью бузотеров и хулиганов, и Солженицыну, в «Архипелаге» поиздевавшемуся над «революционной беготней», трудно думать иначе, однако же бузотеры и хулиганы жертвовали собой — как Бабушкин, Халтурин, Бауман или кубинский Че Гевара. Их неподдельный энтузиазм был обманут. Но — умирали за народное счастье (как они его понимали), за новое общество, за светлые дали. Диссиденты, умевшие поставить на кон свою свободу и саму жизнь, позволили себя оттеснить партоократам и комсомольцам. Та «абсурдность» польского характера, что заставляет их сражаться и в проигранной ситуации и потому-то иногда выигрывать, как выиграла «Солидарность», у нас что-то не прижилось. Но иного быть не могло — если народная вера столько раз бывала обманута.

ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ

Все дальнейшее Солженицын воспринимает трагично, он с гневом и горечью осуждает «гай-чубайсовские реформы», ставит в вину Гайдару «шоковую терапию» и открытые цены — при монопольном производстве и отсутствии конкуренции, Чубайсу —

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС

И в чем бесконечно прав Солженицын, кризис наш — не политический,

не финансовый, не экономический, но — нравственный, духовный. Было так принято за основу и принцип, что движущими силами могут быть своеобразие, жажда личной выгоды, которые почему-то считаются свойственное людской природе, нежели честность, порядочность, верность слову, альтруизм, а в первую голову — забота об отечестве, процветании родной страны. Вот что вышло в науке:

«Страшней того, как успели разграбить и распродать Россию, — откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохвата, захватившие и звание «новых русских»? с таким смаком и цинком разжиревшие на народной беде? Ведь еще губительнее нашей нужды — это поварное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас из всех телевизионных ящиков».

Солженицын, по-видимому, не допускает, что зверское племя выросло «из нас», то есть из русского народа, которому он всегдаший яростный защитник. Ему претило, когда советскую интервенцию в Афганистан называли русской — слишком жестоко отвечает нация за свои слабости и за насилие над ней. И можно ли считать русских целиком виновными в октябрьском перевороте, когда столько их было три года против советской диктатуры? Нам, правда, приходилось слышать то же о латышских стрелках, о евреях-комиссарах, о поляках-чекистах, о белочехах, сгубивших Колчака, — когда поднимался вопрос, допустимо ли решать судьбу чужого народа. Но поймем его боль и страсть, с которыми он отвергает всеохватные клейма: «долгие века Россия страдала маниакально-депрессивным психозом», «России принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной», «эта Русь переполнена скверною от покрышки до дна», «человеческий свинарник», «помойная яма». Это все омерзительно, только, право, не стоило бы объяснять происками Запада, прямо-таки вожделеющего гибели русской духовности (может быть, это Сорос, помогающий нашим нищим библиотекам?), злоумышлением радио «Свобода», агрессивным «расширением НАТО», — какое и впрямь происходит, только не НАТО захватывает Польшу или Прибалтику, а они просятся под его защитное крыло, страшась реанимации русского коммунизма, по Солженицыну же, «космического злодействия».

ИДЕОЛОГИЯ

В страстной своей защите он отрицает и необходимость защищаться от фашистской идеологии — «которой не было в России никогда — и совсем не она России угрожает». Ох, Александр Исаевич, ваши бы устами... С видимым облегчением эту фразу подхватили и выворачивали «национал-патриоты». И приятно, должно быть, узнать генералу Макашову, что никакой он не фашист. И даже не антисемит. Просто он жидов не любит. И Баркашов вовсе не штурмовые отряды готовит, просто ребята оружием увлекаются и строем. Разве что Проханов возразит, что пусть бы и фашизм, лишь бы государство было сильное. И стилизованная свастика нас не покорит, и почитание Адольфа Алоизовича. Я не против, чтоб издавали «Mein Kampf», скучнее я в жизни не читывал, но ведь боготворят, не читая. Это уж наша черта — так же, не читая, гвоздили «Доктора Живаго».

Но — откуда же все-таки «зверское племя»? Да разве не оттуда, не из советской власти, блатной генетики? И не Солженицын ли нам поведал, как ленинцы еще до переворота шли на смычку с уголовниками и сами предпринимали грабительские «акции»? Это и не скрывалось никогда, в советских фильмах — «Яков Свердлов», «Первый курьер» — с добрым юмором показывалось, как урки сочувствовали революционерам (почему-то всегда большевикам — разбирались!), пре-

дупреждали о провокаторах и шпионах, помогали импортировать «Искру». А после Октября они пополнили кадры репрессивных органов — и если времена от власти все же отстреливали блатных, это мы можем понять как «разборку» — меж теми, кто прошел в ЧК и кто остался верен воровскому закону. А еще попозже «социально близких» наускивали на политических, поощряя поблажками и сокращением сроков, — есть и об этом в «Архипелаге». В эпоху Брежнева приближение достигло самых верхов и разворовка пошла совсем весело, хозяин и сам пользовался величаво, боязни и сам пользовался величаво, боязни взятки подарками и орденами, и другим позволяя. Даже о низах проявляя заботу, отпустил грехи заводским и колхозным «несущим». До по-человечески и грязнохвата можно понять; они такие же, как все мы, жертвы «развигого социализма». Долгими годами они смотрели, облизываясь, как ничем не примечательные особи берут от власти что рука захватит, так нестесненно, как законную жену не берут за коленку, и не могло же не созреть в их головах: «Почему не я?»

Между прочим, при культе личности такой вопрос невозможен, он и обозначает сокрушение культа — равно, к сожалению, и всех вообще авторитетов. Маршал Жуков, отстоявший Москву, искренне считал, что это не удалось бы ему без Сталина. (Он так рассказал моему другу, режиссеру В. Ордынскому, ставившему с его участием фильм «Если дорог тебе твой дом».) А незаменимый Сталин, в те октябрьские дни только дезертир и трус, когда Жуков возвращался к ночи с позиций, укладывал его спать на кушетку и самолично стягивал с него сапоги, не забыв спросить о себе — не отъехать ли ему в Куйбышев, куда все правительство смылось. И всякий раз ответ был: «Без Сталина в Кремле — армия оборонять Москву не будет». А мысль, почему бы самому не возглавить если не всю страну, так всю армию, в голову «железному маршалу» не приходила. Нынче она приходит даже у правдомам. Есть два занятия, за которые считается возможным приняться, не участь, — писать книги и управлять государством. И не сказать, что это чисто российское поветрие; на футбольном чемпионате скандировали французы: «Зидана — в президенты!» Почему Зидана? Так два гола забил решающих! Кто же и выведет Францию в сверхдержавы?

Наши выборы — не ответственнее (уже и того довольно, что Президент перед вторым сроком ставит себе в плюс ошибки первого), и Солженицын предлагает сделать их двухсту-пенчатыми, чтоб лучше знать нам кандидатов. То есть знать будем выборщиков, а уж они там дальше решат. Но в эпоху телевидения и Интернета как-нибудь разберемся мы в Явлинском, в Лебеде, в Лужкове, не столь это сложно. С другой стороны — что мы ведали о знатной ткачихе, которую выдвинула фабрика, дислокированная в нашем районе? Голосование против обоих кандидатов — вариант остроумный, да как-то смахивает на скрытое неучастие. А участвовать-то — надо.

ПРОЗОГАНИЛИ

Как ни относиться к Горбачеву, но двумя бесспорными завоеваниями мы обязаны ему. Это он провозгласил гласность, и это при нем первом было хоть подобие нормальных выборов, а не те издавательские, что назывались «новой победой блока коммунистов и беспартийных» (никогда не мог понять — над кем победа?). Мы так мечтали о «сильной руке», не подозревая, что она растет из нашего же плеча. Гласность и выборы — вот две вожжи, которыми сам народ может управлять Россией. Эти две вожжи на Западе всегда тутянуты, у нас они провисают. Провисший вожжой привить невозможно. «Да что зависит от моего голоса?» — говорит отчаявшийся. Очень многое зависит, если к нему

относиться как к той дробинке, что перетягивает чашу весов. В английском варианте — к соломинке, сломавшей хребет верблюду. В истории многих народов такие примеры были. У нас — к сожалению, негативные, но от этого не менее убедительные.

Независимость Соединенных Штатов от английской короны решилась перевесом всего в один голос. Один ответственный разумчивый человек из тридцати решил, что разрозненные провинции, объединившиеся в одно целое, — это уже новое государство, и пусть будет так. И стало семь против шести. Поскольку голосовали тайно, имя этого человека неизвестно. Наших разумчивых выборщиков судьбы России мы знаем поименно.

Был исторический момент в нашей юдели, который бездарно мы прозевали. Прозозокали. Прозоганили. Это когда после Августа замаячила идея суда над компартией — ну, не так чтобы Нюрнбергского, но все же грозившего ей легким, как пух от уст Эола, порицанием. Впрочем, при ином повороте мог бы последовать и президентский указ о листрации — как в отсталой Чехословакии. Изъясняясь компьютерным жаргоном, в кои-то веки столько людей — мягко скажем, не самых симпатичных — скопились в одном файле (допустим, «KPSS.EXE» или «KPSS.COM»), и всех их нажатием клавиши можно было чохом переместить в «корзину» (Recycle Bin). Ну, а потом уже кое-кого, не столь полканского или барбосистого, с учетом ходатайств, можно было бы и восстановить, переместить обратно в рабочие каталоги. Я так думаю, одну сотую наличного состава. Кто-нибудь скажет — одну тысячу. А кто — вообще никого. Это уж как референдум скажет.

Этого всего не допустил Зорькин, милейший предусмотрительный Зорькин, на тот час рукою злого Провидения выдвинутый в председатели Конституционного суда. Откуда-то из политического небытия явился он, чтоб свершить свое мрачное дело, и в небытие канул бесследно. А жаль, ему-то уготовано бессмертие в памяти народной. Разговоры о листрации — впрочем, уже платонические — ведутся и ныне, и какая же замечательная логика выдвигается против! Да кто же не сотрудничал с КГБ? Да каждый десятый! Да и всякий, кто ездил за границу, писал отчеты — вот и сотрудничество. Выходит, если каждый десятый — вор, так остальные девять должны его простить? Оставим в покое отчеты о загранпоездках, оставим тех, кто сотрудничал, речь-то — не о землях, пусть себе зарабатывают на жизнь. Только — не руководите, господа. Вы уже наруководили. Да ведь и в суде над коммунистами что такого ужасного? Совковое сознание настолько не приучено к приговорам оправдательным, что в самом процессе уже видят наказание. Но он может обернуться торжеством! Отчего не предположить, что добрые дела перевесят? Компартия должна быть даже потребовать суда над собой, и я не понимаю, почему она упустила такую выигрышную шанс.

САМОУПРАВЛЕНИЕ

Некогда писал мне Солженицын из Вермонта: «Сегодняшнее бедственное положение нашей родины — неизбежно, неизбежно, непречислимое».

Так оно и сегодня. На что же уповать нам — после всех поражений и потерь? Солженицын выдвигает идею народного самоуправления, напоминает о земствах, известных еще с XVI века и в которых все местные вопросы решались на местах же. Он выстраивает земскую вертикаль, систему «препоручения власти снизу доверху» и воздействия власти верховной на низы, вникает даже в такие детали, как число работников и кто должен быть на зарплате, а кто на общественных началах. Вертикаль струйна и соблазнительна, и есть статя в Конституции, дающая народному самоуправлению «доброе», и были попытки создания, да, к сожалению, опали — то сопротивление местных властей, то, опять же, деньги надобны, а нет их. И здесь он обращает взор... к тем же скрохвам — правда, помягче названным:

«И наконец: не все же новобогаты — с обезумевшим волчим сердцем. Есть же среди них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди нововыросших предпринимателей, утвердившихся денежно, есть же и порядочные люди — и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям».

То, что велось на Руси, нынче зовется «спонсорством» и, как говорится, имеет место, но в случаях редких, почти сказочных. И не только у нас. Некогда французы подарили американцам статую Свободы, требовалось лишь воздвигнуть пьедестал, а это стоило 100 тысяч. Их собирали по крохам, жертвовали старики от своих пенсий, один мальчик приспал 16 долларов, сэкономленных на школьных завтраках. Ни один миллиардер не отстегнул эти 100 тысяч. А ведь какая слава его ждала — установил Miss Liberty, символ Америки! Нет, я думаю, у нас бы такая широкая натура нашлась, и благотворители раскошелятся (умеренно) на культуру, науку, медицину, но на построение власти, которая вдруг да их прижмет... Александр Исаевич, мы с вами не дали, правда?

А вот и признание автора: «...о самоуправлении, как его устроить — почти никогда не заговаривали, это — не в мыслях, я сам на то наводил». Вот это и смущает — почему же земства, которые так хороши и спасительны, не возникли повсеместно и самостийно, как возникают повстанческие комитеты? Не знали, с чем это едят? Но творчество масс тем и интересно, что идея оно выхватывает буквально из воздуха. В Кровавое воскресенье в Петербурге строились первые баррикады, а где их видели россияне, в каком кино? Если власть препротягивается снизу вверх, она и возникать должна инициативой низов. Если же вводить земства сверху, прямым законом Думы, не получим ли мы те же советы, где бал будут править партии, где целью будет подавление одного слоя населения другим и все-то марионеточное «самоуправление» сделается приводным ремнем центра?

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

На что же уповать? Солженицыну не занимать смелости — он обирает свои укоры и обвинения в дряблости и алатии против всех нас, он справедливо негодует — что же мы за народ такой, что вот этого не можем, не смеем, сами не додумаемся, не проявим энергии, ждем, когда верхи — коим до нас и дела нет — о нас позаботятся, наладят нам жизнь! Да мы же достойны нашей нищеты и унижения, и правильно нас презирают! Чуть не с детства мы усвоили — Боже упаси обвинять народ, только отдельных его представителей, — хотя писатель именно этим и занимается, укоряя и обвиняя читателя, то есть народ. И Солженицын, имеющий на это больше права, чем кто-либо другой, не только укоряет и обвиняет, он указывает на те характерные коренные черты нашего народа, которые считаются спасительными, иммунными от распада, размытия, самоуничтожения. Он даже перечисляет их по пунктам:

В начале 60-х

«доверчивое смиление с судьбой... страдальность: готовность помогать другим, делясь своим наследием... способность к самоутверждению и самопожертвованию... готовность к самоосуждению, раскаянию... непогоня за внешним жизненным успехом; непогоня за богатством, довольство умеренным достатком... открытость, прямодушие... несуетность, юмор, уживчивость... размах способностей, в самом широком диапазоне... широта характера, размах решений...»

Правда, эти обаятельные черты ни чему злому в нашей истории не помешали, но все же они достаточны, чтоб сохраниться как личность, выжить — как Шухову Ивану Денисовичу. Но не время ли нам переориентироваться на героев иных, умеющих взять судьбу за рога? Солженицын и сам говорит об этом: «Чтобы XXI век не стал последним столетием для русских — мы должны найти в себе силы и умение сопротивляться распаду уже сейчас, и чем напорней разрушают нашу жизнь — тем напорней бы и сопротивляться».

Однако: позволит ли это нам наш национальный характер?..»

Похоже, сам он считает, что такой, как сейчас, — едва ли. И дополняет свой список последней надеждой: «Если в предстоящие десятилетия мы будем еще, еще терять и объем населения, и территории, и даже государственность — то одно нетленное и останется у нас: православная вера и источаемое из нее высокое мироощущение».

Но — если не терять? Если вернуть потерянное? Здесь Солженицын — сам-то боец несравненный — выскакивает, всего лишь, за «доверчивое смиление с судьбой...» А я бы дополнил его список еще одной чертой, достаточно известной — правда, она всегда приводится в связке с другим народом, некогда нам противостоявшим. Немцы выигрывают все сражения, кроме последнего; русские же — напротив, все проигрывают — кроме последнего. Эту черту признает мир и восхищается ею, пусть бы он презирал все другие, — способность упираться на последнем рубеже и от него начать по-другому. Это показали они в 1941 году у оконицы Москвы, а в 1942-м — на кромке волжского берега, те же самые люди, кто в панике убегал, сдавался оптом и в розницу, — нет, конечно, не те, но такие же! И было их численно меньше — в ротах по 15 — 17 штыков. Но торжествовала здесь мысль Толстого, что не число штыков решается дело, а — духом армии. Эта черта, пожалуй, устрашаительнее для недругов нашей Свободы, пытающихся нас загнать обратно, откуда мы сумели вырваться. Может быть, мы им проиграем все бои. Кроме последнего.

Георгий ВЛАДИМОВ